

129

4085. АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

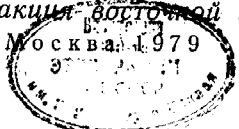
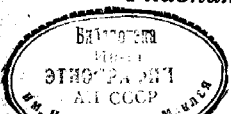
Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1979

Е. А. Крейнович

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

По данным языка и фольклора
эвенских селений Армань и Ола)

Данные археологии и этнографии свидетельствуют о том, что в очень давние времена люди, оснащенные палеолитическими орудиями, приходили в суровые области Севера, изобиловавшие животными, рыбой, птицами, и заселяли их.

На побережье Охотского моря, в северной его части, в районе селения Армань, в устье р. Ойры, и на о-ве Недоразумения археологи обнаружили стоянки «с каменными орудиями неолитического облика» [5, с. 29]. От них несколько отличается неолитическая стоянка, найденная на о-ве Ольском — Завьялова [5, с. 40—44]. Пока это наиболее древние следы неолита, найденные в этом районе. Благодаря им можно предположить, что заселение Охотского побережья имело четыре этапа. Первый был осуществлен неизвестными создателями неолитических стоянок на р. Ойре и на о-ве Недоразумения; второй — создателями неолитической стоянки на о-ве Ольском; третий — предками современных коряков, происхождение которых также неизвестно; четвертый — тунгусскими народами [ср. 5, с. 29—31]. О четвертом этапе в этой статье и будет идти речь.

Р. С. Васильевский приводит предание о заселении Охотского побережья орочами-эвенами, которое он в 1961 г. записал со слов В. Ю. Баара — старейшего жителя поселка Балаганного. Последний же в 1934 г. записал его от П. Горшкового, 80-летнего старика, по-видимому эвена [5, с. 48]. Приводим это предание.

«Давным-давно это было. От р. Мотыклейки и до Армани и дальше по берегу моря и на островах Коровий (о. Спафарьева) ¹ и Ольский (о. Завьялова) жили коряки. Жили стойбищами в землянках. Охотились больше всего на морского зверя. Потом с севера из тайги пришли орочи. Между коряками и орочами началась жестокая вражда. Орочи теснили коряков и занимали их места жительства. Коряки ушли дальше по берегу моря. Но отдельные группы их приплывали на байдарках в Амахтонский залив для охоты на морского

¹ В круглых скобках даны пояснения Р. С. Васильевского.

зверя. На берегу Амахтонского залива (в районе современного мыса Северного) и произошла последняя битва. Здесь орочи выследили коряков. И когда те ушли на промысел, оставив у мыса байдары, орочи пробрили днища байдар, а затем напали из засады на коряков и всех до одного перебили. После этого коряки перестали охотиться на Амахтоне» [5, с. 48—49].

Южная граница расселения коряков на Охотском побережье пока еще остается невыясненной. Только археологические раскопки и, возможно, топонимические данные позволят когда-либо установить ее. Исторические данные XVII—XVIII вв., по мнению Н. Н. Степанова [24, с. 134] и И. С. Вдовина [6, с. 172—173], дают основание говорить лишь о том, что южной границей расселения коряков была р. Яма. Это подтверждают и этнографические данные, записанные нами. Территория же, расположенная к югу от р. Ямы, была ареной ожесточенной борьбы между пришлыми ороченями (эвенами) и коряками, сражавшимися с ними, очевидно, за те территории, на которых они когда-то обитали.

В зиму 1943—1944 года нам пришлось быть на Охотском побережье, в селении Армани. Там мы занялись изучением арманского диалекта эвенского языка. Осуществить широкое исследование этого диалекта, описание которого предполагалось отправить акад. И. И. Мещанинову, нам в ту зиму не удалось. На основании собранных нами материалов был написан краткий очерк «Арманский (камчадалский) диалект эвенского языка»². В нем был представлен состав фонем, описаны диалектологические соответствия с ороческим диалектом (к которым впоследствии ничего нового добавить не удалось), в очень кратких чертах изложены особенности частей речи, приведены парадигмы склонения и спряжения, в том числе и спряжение вспомогательных глаголов «быть» и «не быть», приложены два текста с переводом и словарь в 500 с лишним слов с лексическими параллелями из ороцкого диалекта³. Языковые материалы, приводимые в этой статье, взяты из рукописи этого очерка⁴.

Аборигены Армани делят себя на две группы: мыны (мэ-нэ) — оседлых и орочэл (мн. ч. от *ороч* 'оленный') — оленных [13, с. 3; 18, с. 10; 25, с. 6]. Первые в отличие от вторых именуют себя по-русски «камчадалами» и считают себя основателями селения Анмыл (рус. *Армань*).

² В нашей работе «Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели» [10] имеется ссылка на рукопись этого очерка и приводятся некоторые лексические параллели из этого диалекта.

³ Эти параллели были составлены при помощи краткого эвенско-русского словаря В. И. Левина [13, с. 13—104].

⁴ Рукописная копия этого очерка была передана мною Л. Д. Рихес, когда она в 1946 г. приехала изучать арманский диалект, о чем она сообщает в своей опубликованной статье [22, с. 146] и в рукописи своей диссертации [20, ч. I, с. 270].

24 февраля 1944 г. от «камчадала» средних лет Иннокентия Шахурдина мы записали предание об истории основания селения Армань и перевели его с ним на русский язык. 18 марта того же года это предание и его перевод были проверены со стариком «камчадалом» Саввой Шахурдиным. Последний внес в него некоторые исправления, с которыми этот текст публикуется. Предложения № 30, 31, 33 и 34 в тексте принадлежат С. Шахурдину. Приводим текст и перевод этого предания⁵.

(1) Со:пта н'амал аннга амаски мун'ил ханылбу би:ситна н'угвэттил. (2) Нонгартан горгинд'и дигинд'и н'угритнэ,— торнын гырбулын н'уксин'итнэ. (3) Бак"ритнэ а:нмыл а:ма:рван. (4) Ырив а:ма:ру ыйэки н'угритнэ. (5) Бак"ритнэ ла:му. (6) Титак"ан, ырбыс, к"айа:ки, разный дыйу куйэ:ллэ. (7) К"омайав, ла:ргайав, а:кибайав, со:пта ла:м д'ылгынкывын куйэ:ллэ. (8) А:ма:длэ со:пта разный олчав куйэ:ллэ. (9) Нонгартунэ сыбдын' он. (10) Мо:д'и ва:ниннэ олчав, ти:так"айав, ырбы:сйэв ва:ниннэ. (11) Нонгартан му:грэ, мыны:вд'ы:ндыврэ, оролбур му:грэ ва:даврэ, быгытчыврэ д'ок"арэ ва:даврэ оролбур. (12) Д'улгаврэ оллэ, бивысыллэ, олчид'и быйнгыд'ыврэ, ла:м д'ылгынкывын быйсыллэ. (13) Бак"тирэвнэ э:втиги бисин. (14) Адлэ э:втиги бисин. (15) Адлагаврэ к"арэлагинд'и ток"ривнэ, ингривнэ. (16) Тарад'и олчав н'эводдэ. (17) Мо:мигаврэ о:ритнэ. (18) Тарад'и мо:мирк"асвата. (19) Ти:так"а:м готчав уйрэлэ ибсимкэнвэтта мыкыду унду. (20) А:рбурк"ин ти:так"а:м нга:лд'иврэ сыпкувэттэ. (21) К"омайав айирд'и айидлаватта. (22) Тарад'и быйнгыд'ыврэ о:р.

(23) Мун'ил долла, ыйыкыл о:лладоллун войивайра. (24) О:лла быйилбэн со:пта ва:р. (25) Асалбу тэк"лав гырбырkitнэ, сыпкынкэнурдэ йатлаватнэ т'ок"ваттэ, ко:кэвытнэ минывыттэ.

⁵ Транскрипция слов арманского диалекта и ольского говора эвенского языка приспособлена в этой статье к машинному набору. Фонемы арманского диалекта обозначаются следующими знаками: гласные переднего ряда верхнего подъема — *и, и:, э, э:* (двоеточием обозначается долгота гласных); гласные среднего ряда среднего подъема — *ы, ы:*; гласные заднего ряда нижнего подъема (нелабиализованные) — *а, а:*; верхнего и среднего подъема (лабиализованные) — *у, у:, о, о:*. Согласные губные — *п, б, в* (губно-губная фонема), *м*; переднеязычные — *т, д, с, ч, н, р, л*; среднеязычные — *т', д', н', й*; заднеязычные — *к, г, нг*; увулярные — *к''*; фарингальные — *х*. Система гласных фонем, выявленная К. А. Новиковой в ольском говоре [18, с. 32—52; 26, с. 696—697], не может быть отражена полностью в этой работе средствами машинного набора. В связи с этим слова ольского говора приводятся в несколько упрощенном написании. Фарингализация обозначается точкой справа от гласного. Дифтонгоидный гласный переднего ряда более нижнего подъема, чем *э* [18, с. 44], обозначается графемой *я*. Огубленный гласный заднего ряда среднего подъема более закрытый, чем русское *о*, обозначается знаком «о», что и слабоогубленный гласный заднего ряда среднего подъема [18, с. 49]. Написание слов ольского говора в настоящей статье проверено К. А. Новиковой. Долгота гласных в словах арманского диалекта приводится по Л. Д. Ришес [26]. Понятия «орочский диалект» и «ольский говор» употребляются разными авторами как синонимы. Как таковые, они употребляются и в этой работе.

(26) О:лла быйилнэ а:нмыл быйилбэн кыллэ. (27) А:нмыл сак"тингилби быйингилби унгылнэ войивайдатнэ. (28) Тарад'и о:лла быйилбэн айра. (29) Тарк"ам ыйык сак"тингилби быйингилби а:нмылтиги милыневкыннэ. (30) А:нмыл солгилан кынгрэговрэ о:р. (31) Тала: эрк"аттэ. (32) Тарав а:нмыл соминнэ мыднэ, д'алтыки мутумкэннэ — „мутыки ыйык милынерин“ (33) А:нмыл быйылнэ ыйыкылбу бак"ра, кынгрэдолан бак"ра нонгарбатнэ. (34) Тала: сыпкынкэннэ нонгарбатнэ тала: ва:р.

Перевод

1) Много сот лет назад наши родичи были кочующими. (2) Они издалека, из тайги, перекочевали, по земле исключительно кочевали. (3) Нашли арманскую реку. (4) Вниз этой реки перекочевали. (5) Нашли море. (6) Уток, гусей, чаек, разных птиц увидели. (7) Нерпу, ларгу, акибу — много морского зверя увидели. (8) В реке много разной рыбы увидели. (9) Им радостно стало. (10) Палкой убивали рыбу, уток, гусей убивали. (11) Они подумали, оседлыми стали, оленей, подумали, убили, все согласились убить оленей. (12) Дома сделали, жить стали, рыбной ловлей стали заниматься, морского зверя промыслять стали. (13) Ружей не было. (14) Сетей не было. (15) Сети из растения к"арэла сучили, вязали. (16) Тем рыбу ловили. (17) Лодки делали. (18) Тем [на лодках] ездили. (19) Уток линяющих в устье загоняли [во время] большого прилива. (20) В отлив уток руками хватили. (21) Нерпу острой кололи. (22) Тем промысляли.

(23) Наши услышали, ямские жители с ольскими воюют. (24) Ольских людей много убили. (25) Женщин, когда они ягоды собирают, хватают, глаза [им] колят, груди режут. (26) Ольские люди арманских людей позвали. (27) Армань бойких людей послала воевать. (28) Тем ольским людям помогли. (29) Тогда ямские бойких людей в Армань отправили. (30) Повыше Армани ямы сделали. (31) Там спрятались. (32) Об этом арманский провидец узнал, товарищам сказал: «К нам ямские отправились». (33) Арманские люди ямских нашли, в яме нашли их. (34) Там схватили их, там убили.

Во время перевода текста на русский язык Иннокентий и Савва Шахурдины слово «ыйык» переводили мне только словом «ямские», т. е. жители Ямска. Между тем точное значение этого слова выясняется из языка орочей. У последних *хыйык* означает «оседлый коряк». Следовательно, записанное предание повествует о войнах древних эвенов, вышедших на Охотское побережье, с коряками, которые в то время жили еще в Ямске. Савва Шахурдин полагает, что они происходили очень давно — может быть, 300 или 500 лет назад.

Л. Д. Ришес, которой было известно приведенное здесь предание, также собирала сведения о происхождении оседлых эвенов. Материалы, записанные ею, также показывают, что оседлые эвены Охотского побережья помнят о времени, когда они еще имели оленей и были кочевниками [20, тексты № 13,

23, 25, 41, 43, 58, 61]. Важным является записанное ею от Саввы Шахурдина предание о том, что предки оседлых эвенков Арmani пришли в него из местности, находившейся за Колымой и носившей название Мола, «потому что там нет деревьев» [20, с. 396]. Это сообщение приобретает особый интерес в свете другого предания, приводимого ниже, в котором сообщается, что по пути своего движения на северо-восток орочи встретились с юкагирами, которые, как известно, обитали на Колыме.

Предание было записано К. А. Новиковой в ноябре 1945 г. на орочском языке в селении Дюмандя Ольского района от эвена Ивана Фарфоломеевича Хабарова. Оно содержит в себе очень важные данные для выяснения истории заселения Охотского побережья. Привожу его перевод на русский язык, принадлежащий К. А. Новиковой.

«Триста с лишком лет тому назад в Ольском районе была вражда (война)⁶. Орочи с коряками сделали большую войну. Много сотен орочей было убитых, коряки тысячами были убиты. Мы знаем, что война эта действительно была. И сейчас, в наши дни, лежат человеческие кости, остались деревянные луки, стрелы, остовы старых юрт и т. д. Действительно, в то время это была большая война. Со времени той войны прошло много времени. Старые люди так рассказывают об этой войне.

Коряки жили около берега моря. Они жили стойбищами от местечка Корнингэ⁷ вокруг полуострова Кони, на Сиглане, дальше на Средней, на речке Ояри, в Ямске и дальше. Эти коряки пришли давно с востока, по берегу Охотского моря (по северной стороне его), ища богатой охоты. Первые дошли до местечка Корнингэ. Часть (т. е. те, которые шли вслед за ними) остановилась в обратную сторону от Корнингэ (т. е. останавливались по пути своего следования). Коряки оленей не держали. Они держали ездовых собак. У всех хороших охотников (их) были очень хорошо обученные собаки.

Коряки жили оседло. Больше охотились на морского зверя, на таежных зверей охотились мало. Коряки — хорошие охотники, жили только своей охотой. Коряки с орочами враждовали: „охотились“ друг на друга и убивали. Когда коряки „охотились“ за орочами, то с вершин гор, небольших возвышенностей и склонов выглядывали обычно только макушки (их голов). Тогда макушки только их виднелись. Так следили (наблюдали за орочами) целыми днями. Потом, когда стемнеет и наступит ночь, ползут (т. е. спускаются с гор) к той юрте, которую они видели с вершины горы, убивать (ее обитателей). Придя к той юрте, привязывают ремни к жердям над дымовым отверстием и дергают во все стороны. Таким образом коряки убивали орочей, это был их основной прием. Когда они обычно подсматривали, тогда орочи днем видели макушки коряков. И поэтому орочи называли их хэками⁸.

В тайге раньше помимо орочей жили нюрмани. И когда орочи туда приехали, тогда этих нюрманей повстречали. Нюрмани с орочами не хорошо жи-

ли, не ладили. С ними вражда началась, много орочей и нюрманей погибло. Орочи не знали, как эти нюрмани называются. Основной хитростью (борьбой) у этих нюрманей было подкрадывание. И когда ловили орочей, то подкрадывались обычно незаметно, беззвучно (неслышно). Иногда у спящих, а иногда и у сидящих орочей воровали их стрелы. Вот поэтому-то орочи этих людей за то, что они были мастерами подкрадываться, называли нюрманями⁹.

Потом много лет враждовали. Поэтому-то большинство орочей прикочевали к морю. С этими нюрманями до сих пор не помирились. Поэтому после этого этих нюрманей орочи называют врагами. Только после многих лет, когда стала Советская власть, орочи стали называть этих врагов юкагирами. Сейчас юкагиры живут по реке Колыме. Сейчас орочи с юкагирами живут очень хорошо.

В этих местах много сот лет жили коряки. Однажды пришли орочи с запада навстречу корякам. Орочи эти бежали, искали себе родину. Они ехали друг за другом на оленях, ехали отдельными группами, часть по тайге, часть по берегу моря. Главным в жизни орочей была охота на таежных зверей. В тайге орочи встретили нюрманей (юкагиров). Отношения их стали враждебные. Когда в результате этой вражды жизнь стала трудной, часть орочей ушла к морю. Придя к морю, нашли богатую охоту и навсегда остались здесь. Однажды орочи, придя на море, остановились (стойбищем) у устья одной реки. Один их товарищ, заглянув в реку, увидел очень много рыбы. Тотчас же крикнул, позвал своих товарищей: *ола* (т. е. рыба). Ту реку называли *Олой*. Прежде чем ловить рыбу, оленей своих отпустили. Пять дней не ходили к своим оленям, а на шестой день оленей своих не нашли. И так навсегда потерял своих оленей. Тогда потерявшие своих оленей орочи стали жить оседло на Оле (т. е. осели на Оле). Кочевые орочи тех ставших оседлыми единоплеменников своих называли мэнэ. По-иному говоря, *мэ:нэгэла* — свои. И поэтому про безоленных орочей, живущих оседло, говорят обычно *мэ:нэв'экэт'* — живущие оседло.

После них другие орочи прикочевали из тайги и осели вблизи Олы. Ту землю называли *Ханмыл*. Часть орочей там стала жить оседло. Сейчас называют *Армынь*. Часть орочей, кочуя, нашла очень богатое место. Там кочевники собираются для охоты (т. е. чтобы охотиться). То место, богатое охотой, стали называть *Асынгнань*. Сейчас говорят *Сиглан*. Здесь, в Сиглане, орочи стали жить оседло всего несколько лет тому назад.

На берегу моря орочи нашли людей. Когда впервые встретились, решили, что это нюрмани. Они же, когда бежали с запада, в тайге нашли нюрманей. Затем на берегу моря нашли незнакомых людей, и поэтому они решили, что

⁹ По поводу нюрманей К. А. Новикова сообщает в своей диссертации следующее: «Нюрмани — по преданиям, племя людоедов, жившее в глубине материка и занимавшееся разбоем. В записанном мною предании *хунмэд'эк* название это связывается с глаголом *норма-дай* — подкрадываться, так как основным качеством этого племени была способность незаметно, неслышно подкрадываться к своим врагам» [16, с. 335]. Надо еще отметить, что в эвенкийском языке словом *нюрин*, *нюрумнял* назывались эвенки, жившие в верхнем течении рек Нижней Тунгуски, Подкаменной Тунгуски и по другим рекам, в частности по истокам Вилюя [16, с. 582]. Вместе с тем надо указать, что в эвенкийском и эвенском языках словом *нюр* называется стрела [3, с. 308; 26, с. 595].

⁶ Пояснения в круглых скобках принадлежат К. А. Новиковой.

⁷ Местоположение селения осталось невыясненным.

⁸ Эвенск. хэ:э: 'макушка, вершина' [26, с. 257].

это также убийцы. И тогда орочи друг другу (между собой) сообщали. А коряки также решили про орочей, что они убийцы. Коряки беспокоились, главным образом, за то, что орочи отнимут у них их богатое место (поселок). И поэтому они также между собой договорились, чтобы орочей убить (уничтожить)¹⁰ [16, с. 323—326].

В этом предании важно подчеркнуть следующие моменты.

1. Предки современных орочей бежали от кого-то на северо-восток. Трудно теперь установить, кто их вытеснил с насиженных мест.

2. На северо-востоке орочи столкнулись с юагирами, с которыми вели продолжительные сражения, в результате которых им пришлось уйти дальше на северо-восток.

3. Выйдя на востоке к берегу Охотского моря, орочи встретились там с коряками, которые жили еще тогда в районе нынешнего Магадана.

Предание, записанное нами в Армани, повествует, несомненно, о более позднем времени, когда коряки были уже оттеснены к Ямску.

В Ямске орочи также воевали с коряками, о чем рассказывает предание, записанное в 1958 г. от 80-летнего старожилы селения Ямск эвена А. П. Федотова. С эвенского на русский предание переведено М. Г. Трифионовой.

«С древних времен орочи и коряки воевали между собой: у обеих сторон всегда были большие потери.

Однажды старики орочи пришли к корякам и сказали им, чтобы был вечный мир, больше воевать не надо. Но это был настоящий обман, так как много позже многие коряки были убиты орочами. Лишь один молодой коряк остался жив. Испугавшись орочей, он убежал из старого Ямска в сторону полуострова Пьягина на Кипкичек (на современных картах бухта Кип-Кич.— *Прим. пер.*) и спрятался около сопки, подумав: „Пусть орочи придут сюда, окружат сопку, но меня не найдут“.

В это время орочи пошли вслед за коряком и догнали его в местечке Кипкичек. Между коряком и орочами началось сражение. После долгой борьбы коряк был убит. С тех пор между орочами и коряками установился мир.

В старом Ямске стали жить коряки, а орочи откочевали в горы и остались там жить, ведя кочевой образ жизни» [9, с. 140]¹¹.

Сражения орочей с коряками происходили и севернее Ямска. В предании «Уничтожение Каддяка», записанном К. А. Новиковой, говорится: «Так орочи уничтожили коряков всех до одного на острове, недалеко от Гижиги» [16, с. 335].

¹⁰ Продолжением этого предания служат тексты: «Война», «Постоянные убийства Каддяка» (т. е. убийства, непрерывно совершаемые коряком Каддяком.— *Е. К.*), «Уничтожение Каддяка» [16, с. 326—335]. Здесь эти материалы не приводятся. Краткое изложение всего предания опубликовано К. А. Новиковой в ее книге об эвенском фольклоре [19, с. 82—88].

¹¹ Более подробный вариант такого же предания приводится в статье А. В. Беляевой [1, с. 78—79].

Итак, приведенные здесь предания повествуют о древних сражениях орочей с коряками на большом протяжении — от Армани до Гижиги. В настоящее время трудно, конечно, во всей полноте восстановить характер сражений аборигенов — коряков с пришельцами — орочами.

Современные языковые материалы дают основание говорить о том, что, по-видимому, были две волны орочей, вышедших на Охотское побережье в разное время. Наиболее ранняя волна была представлена эвенами, именуемыми в настоящее время *мыны* (*мэнэ*). Особенности их языка наиболее отчетливо представлены у обитателей Армани.

Лингвистический анализ данных, записанных нами в Армани, позволил выявить важнейшие фонетические соответствия между арманским диалектом и ольским (орочским) говором, на которых говорят современные аборигены Армани. Диалектные соответствия обозначаются знаком (=) — равенства; Ø — отсутствие звука; (А. д.) — арманский диалект, (О. г.) ольский (орочский говор). Отмечаются следующие соответствия в гласных и согласных звуках, существующие между ними¹².

о (А. д.)=у (О. г.): *док'ун* (А. д.), *дук'ун* (О. г.) 'письмо'; *д'огани* (А. д.), *д'угани* (О. г.) 'лето'; *н'оморэннэ* (А. д.), *н'умари'нни* (О. г.) 'стыдиться'; *оливнэ* (А. д.), *уливун* (О. г.) 'весло'; *то:р* (А. д.), *ту:р* (О. г.) 'земля'; *торки:* (А. д.), *турки* (О. г.) 'нарта'.

у (А. д.)=о (О. г.): *урат* (А. д.), *орат* (О. г.) 'трава'; *ужубы* (А. д.), *окыбы* (О. г.) 'горбуша'; *улыттин* (А. д.), *олыттин* (О. г.) 'сварил'; *тунгыр* (А. д.), *тонгыр* (О. г.) 'озеро'.

ø (А. д.)=и (О. г.): *улки* (А. д.), *олики* (О. г.) 'белка'; *д'илки* (А. д.), *д'илики* (О. г.) 'горностай'; *икри* (А. д.), *икири* (О. г.) 'кость'¹³.

ø (А. д.)=а (О. г.): *тарк'ам* (А. д.), *тарак'ам* (О. г.) 'тогда'.

С (А. д.)=Х (О. г.): *сабнэ* (А. д.), *хабда* (О. г.) 'капля'; *сади* (А. д.), *хагди* (О. г.) 'старый'; *саман* (А. д.), *хаман* (О. г.) 'шаман'; *сан'* (А. д.), *ха:ни'н* (О. г.) 'дым'; *сангар* (А. д.), *хангар* (О. г.) 'отверстие'; *савса* (А. д.), *хя:вус* (О. г.) 'гнилое дерево'; *сэнны* (А. д.), *хынны* (О. г.) 'жабры'; *си* (А. д.), *хи:* (О. г.) 'ты'; *сингку* (А. д.), *хингку* (О. г.) 'темная ночь'; *сирынг* (А. д.), *хырыннэ* (О. г.) 'крутой чай'; *си:ви:н* (А. д.), *хи:ви:н* (О. г.) 'тушение', 'гашение'; *соли* (А. д.), *хуличан* (О. г.) 'лиса'; *солта* (А. д.), *хулта* (О. г.) 'мука из сушеной рыбы (порса)';

¹² Л. Д. Ршес приводит такие примеры соответствий между арманским диалектом и ольским говором, которые, на наш взгляд, несколько обедняют данные, установленные нами. Поэтому мы приводим здесь те материалы об этих соответствиях, которые были выявлены нами в Армани в 1943—1944 гг. В русско-эвенском словаре [26] эти соответствия отражены, но не полностью.

¹³ Л. Д. Ршес объясняет это явление существующей в арманском диалекте тенденцией к сокращению числа слогов в слове [23, с. 121].

сонгнэ (А.д.), хо:нган (О.г.) 'плач'; со:пса (А.д.), хо:пча (О.г.) 'хвастливый', 'хвастун'; суи (А.д.), ху: (О.г.) 'вы'; су:нта (А.д.), ху:нта (О.г.) 'глубокий'; сунгул (А.д.), хунгыл (О.г.) 'кровь'; сыл (А.д.), хыл (О.г.) 'железо'; сыбдын' (А.д.), хыбдын' (О.г.) 'веселый', 'веселье', 'весело' и др.

ø (А.д.)=х (О.г.): а:к"ар (А.д.), ха:к"ар (О.г.) 'крепкий (наружный) слой дерева'; ак"ун (А.д.), хак"ун (О.г.) 'закрывает'; а:к"на (А.д.), ха:к"ын (О.г.) 'печень'; алган (А.д.), халган (О.г.) 'ступня'; а:ндэ (А.д.), ха:ди"н (О.г.) 'некоторые'; аннга (А.д.), хангы" (О.г.) 'ладонь'; эклын (А.д.), хыкин (О.г.) 'топтал'; ыйкычэ:н (А.д.), хыйкычэ:н (О.г.) 'малек'; ыр (А.д.), хыр (О.г.) 'дно'; ытыс (А.д.), хытыс (О.г.) 'шкура нерпы'; ик"ар (А.д.), хи"к"ар (О.г.) 'озорной'; отк"а:н (А.д.), хутк"а:н (О.г.) 'мешок'; ук (А.д.), хок (О.г.) 'жарко'; уклырин (А.д.), хуклын (О.г.) 'спал'; ултын (А.д.), хултын (О.г.) 'зола'; умтычын (А.д.), хумтычэ:н (О.г.) 'мошка'; урын (А.д.), хурыгын (О.г.) 'большой палец'; уркыл (А.д.), хоркын' (О.г.) 'скудный', 'скудно'; уркын (А.д.), хуркын (О.г.) 'молодой парень'; у:си: (А.д.), ху:си: (О.г.) 'лебедь'; ыйык (А.д.), хыйык (О.г.) 'коряк (оседлый)' и др.

л (А.д.)=н (О.г.): лам (А.д.), нам (О.г.) 'море'; ларга (А.д.), нарга (О.г.) 'тюлень разновидности ларга'; лонгки: (А.д.), нонгки: (О.г.) 'кижуч'.

й (А.д.)=н' (О.г.): йолтын (А.д.), н'олтын (О.г.) 'солнце'; йок"о (А.д.), н'ок"а (О.г.) 'якут'; йук"лэ (А.д.), н'у:к"ола (О.г.) 'юкола'.

с (А.д.)=ч (О.г.): ырбыс (А.д.), ырбыч (О.г.) 'гусь'; быйсырин (А.д.), быйчин (О.г.) 'промышлен'; ак"уса (А.д.), ок"уча (О.г.) 'ржавчина'; купсэ (А.д.), кубыч (О.г.) 'целый'; к"аск"а:н (А.д.), к"ачи"к"а:н (О.г.) 'щенок'; окисын (А.д.), хукичын (О.г.) 'медведь-шатун'; сак"тин (А.д.), чак"ти (О.г.) 'бойкий'; со:пса (А.д.), хо:пча (О.г.) 'хвастун'; сак"ритнэ (А.д.), чак"аптын (О.г.) 'собрался'; сылки:н (А.д.), чэлки:н (О.г.) 'скупой' й (А.д.)=х (О.г.): йасаннин (А.д.); хэ:скин (О.г.) 'чихнул' и др.

Одна из наиболее примечательных особенностей, отличающих арманский диалект от ольского говора, заключена в области слоговой структуры слова. В арманском диалекте отмечается ярко выраженная тенденция преобразования конечного закрытого слога слова ольского говора в открытый слог. Эта особенность прослеживается в целом ряде слов и грамматических форм, например:

абла (А.д.), абыл (О.г.) 'мало'; адла (А.д.), адыл (О.г.) 'сеть'; бодлу (А.д.), бо:дыл (О.г.) 'нога'; буксэ (А.д.), бокис (О.г.) 'лед'; дивдэ (А.д.), дивид (О.г.) 'черная, каменная береза'; ыдни (А.д.), ыдын (О.г.) 'ветер'; йатла (А.д.), я:сыл (О.г.) 'глаз'; купсэ (А.д.), кубэч (О.г.) 'целый'; мынгнэ (А.д.), мынгын (О.г.) 'серебро', 'деньги'; одна (А.д.), орын (О.г.) 'олень

домашний'; тингнэ (А.д.), тингын (О.г.) 'грудь'; умма (А.д.), омын (О.г.) 'один'; элна (А.д.), и"лы"н (О.г.) 'три'; дигны (А.д.), дигын (О.г.) 'четыре'; тонгна (А.д.), тунгын"н (О.г.) 'пять'; н'унгны (А.д.), н'унгын (О.г.) 'шесть'; надны (А.д.), надын (О.г.) 'семь'; д'ак"ны (А.д.), д'алкы"н (О.г.) 'восемь'; уйнгэ (А.д.), уйун (О.г.) 'девять'; нонгна (А.д.), нонгы"н (О.г.) 'он'.

Это явление отмечается и в некоторых глагольных словоформах, например в суффиксах 1-го лица единственного числа настоящего времени и в суффиксах всех лиц множественного числа прошедшего времени.

Однако тенденция превращения конечного закрытого слога в открытый не является регулярной. Поскольку в тунгусо-маньчжурских языках слово может начинаться только с одного согласного, то в односложных словах типа д'ур (А.д.), д'о:р (О.г.) 'два', мэн (А.д.), мя:н (О.г.) 'десять' и т. д. не происходит перестановки согласного, так как в этом случае слово начиналось бы с двух согласных. Так как в тунгусо-маньчжурских языках внутри слова допускается стечение лишь двух согласных [27, с. 147], между которыми проходит слоговая граница, то в двусложных словах типа алган (А.д.), халган (О.г.) 'ступня', ырбыс (А.д.), ырбыч (О.г.) 'гусь' и т. д. конечный закрытый слог не превращается в открытый, так как в последнем случае создалось бы недопустимое стечение трех согласных звуков внутри слова.

Не допускают превращения закрытого слога в открытый и некоторые слова, оканчивающиеся на т: н'у:ри:т (А.д.), н'у:ри:т (О.г.) 'волос'; урат (А.д.), орат (О.г.) 'трава'; ирэ:т (А.д.), ирыт (О.г.) 'молодой лиственный лес'; на р: атар (А.д.), хатар (О.г.) 'темно'; на с: ытыс (А.д.), хытыс (О.г.) 'высушенная шкура тюленя'; на л: тисал (А.д.), титыл (О.г.) 'раньше'; сунгул (А.д.), хунгыл (О.г.) 'кровь'; на нг: сирынэ (А.д.) 'крутой чай' и др. Причина этого, возможно, состоит в том, что в середине слова в арманском диалекте, по-видимому, недопустимо стечение согласных рт, тр, тс, нгл, сл, тл. В моих материалах я таких сочетаний не нашел.

Из этого можно сделать вывод, что закономерности сочетаний согласных в слове древнее метатезы согласных, поскольку последняя не в состоянии нарушить древних закономерностей этих сочетаний и найти какой-то выход для преобразования закрытого слога в открытый в указанных словах. Следовательно, метатеза согласных в арманском диалекте представляет собой сравнительно новое явление, не свойственное древнему состоянию тунгусо-маньчжурских языков.

С другой стороны, трудно понять, почему конечный закрытый слог, оканчивающийся на р, к, н, не преобразуется в открытый, когда возникающее при этом сочетание согласных в середине слова допустимо. Так, например, почему при наличии

слова *кынгрэ* 'яма' с конечным открытым слогом, где внутри слова допускается сочетание согласных *нгр*, в словах *сангар* (А. д.), *хангар* (О. г.) 'отверстие', *тунгыр* (А. д.), *тонгыр* (О. г.) 'озеро' конечный закрытый слог в арманском не преобразовался в открытый, когда сочетание согласных *нгр* допустимо. В слове *бак"рин* 'нашел' имеется сочетание согласных *к"р*. Тем не менее в словах *а:к"ар* (А. д.), *ха:к"ар* (О. г.) 'крепкий (наружный) слой дерева', *ик"ар* (А. д.), *хи-к"ар* (О. г.) 'озорной' конечный слог не преобразуется в открытый. То же самое относится к словам *алак* (А. д.), *алик* (О. г.) 'посуда' (ср.: *оролк"антин* 'красный'), *саман* (А. д.), *хаман* (О. г.) 'шаман' (ср.: *умма* < *умын*, *омын* 'один').

Тенденции преобразования конечного закрытого слога в открытый не подчиняются также в арманском диалекте формы множественного числа имен, например: *кыкил* 'медведи' (*кыки* 'медведь'), *сак"тинил* 'бойкие' (*сак"тин* 'бойкий') и др.

В дальнейшем предстоит исследовать, какой круг слов подчинила себе метатеза согласных в арманском диалекте и какой круг согласных выпал из ее подчинения. Тогда, быть может, будет легче выяснить происхождение этого явления.

Явление метатезы согласных обнаружено не только в арманском диалекте, но и в некоторых говорах западного диалекта эвенского языка. Л. Д. Ришес, К. А. Новикова и В. Д. Лебедев отметили в ламунхинском, тюгесирском, алайховском и юкагирском говорах указанного диалекта явление метатезы фарингального *х*, развившегося из *с*. Сущность ее заключается в том, что фарингальный *х* < *с* не встречается в конечном слоге (за исключением случаев, когда он является притяжательным окончанием 2-го л., ед. ч. или в наречиях) и переносится в предыдущий, например: чешуя рыбы: *экэс* (эвенский литературный), *эксэ* (момский говор, наслеги Эселяхский и Улахан-Чистайский), *эхкы* (догдо-чибалахский и алайховский говоры), *эхкэ* (тюгесирский, ламунхинский и юкагирский говоры); лед: *букэс* (эвенский литературный язык), *буksы* (момский говор, наслеги Эселяхский и Улахан-Чистайский), *бохкы* (догдо-чибалахский и алайховский говоры), *бохкэ*, *бохко* (тюгесирский и ламунхинский говоры), *бухкэ* (юкагирский говор) [21, с. 185—186; 23, с. 81; 12, с. 78; 17, с. 193; 18, с. 95].

Поскольку явление метатезы в указанных говорах связано только с конечным фарингальным *х*, оно, конечно, не может быть полностью отождествлено с явлением метатезы согласных в арманском диалекте, где оно представлено значительно шире. Однако во всех этих случаях оно, на наш взгляд, не восходит к древнейшему состоянию тунгусо-маньчжурских языков, но является каким-то относительно новым отклонением от их общего развития.

Поскольку в арманском диалекте слова могут начинаться с согласных *в*, *й*, *л*, что сближает его с эвенкийским языком [22,

с. 118], а формы спряжения вспомогательного глагола *э-дэй* 'не быть' сходны с аналогичными формами в солонском языке [22, с. 118, 119], можно предположить, что предки арманских мыны представляют собой одну из самых ранних волн тунгусских племен, которая дошла до Охотского побережья.

Предания, приведенные в этой статье, объясняют также происхождение пеших ламутов на Охотском побережье, что до сих пор оставалось неясным [24, с. 140]. Эвены — это народ, для которого олени служат единственным средством передвижения по северу Азии. Оказавшись на Охотском побережье, у мест, изобиловавших рыбой, птицей и морскими зверями, предки арманских и ольских «камчадалов» освободились от своих оленей и стали оседлыми. Поэтому-то, когда на Охотское побережье через какое-то длительное время вышла вторая волна эвенов, она назвала оседлых словом «мыны» («мэнэ»), а себя в отличие от них — «орочэл», т. е. «оленными».

Отдельно от волн эвенов, вышедших с Колымы на северную часть Охотского побережья, на южной части этого же побережья появилась волна эвенков, обосновавшихся в бассейне р. Уд. «Линденау (1740—1750 гг.) записал от удских эвенов предание о том, что Лалигир (род эвенков.— Е. К.) попали на Уд с Лены, где они жили прежде... Спустившись по Лене, они повернули на восток ниже Олекмы и через горы и реки вышли на Уд и там остались» [4, с. 103]. Видимо, они дошли до побережья позже эвенов, которые уже там осели, так как они называли «ламутов — мони» (искаженное *мыны*), или «сидячие люди, у моря живущие» [6, с. 75].

Перейдя от кочевой жизни по тайге к оседлой на берегу моря, предки современных мэнэ, несомненно, переняли от соседей какие-то элементы быта соседних приморских народов [6, с. 86]. Примечательно, что при охоте на тюленей они применяли длинную плавающую острогу в 40—50 маховых сажень¹⁴, встречающуюся в настоящее время только у нивхов на Охотском побережье Сахалина. На сходство этих орудий впервые обратил внимание А. Золотарев в своей статье о быте оседлых ламутов — мыны, написанной им по материалу Якова Линденау, который посетил их в первой половине XVIII в. [8, с. 71]. Приходится сожалеть, что уникальные этнографические материалы Я. Линденау об эвенах — мыны до сих пор еще не опубликованы.

¹⁴ А. Золотарев делает оговорку, что *Faden* 'сажень' он переводит словом «локоть», так как «шест в 40—50 сажень представляется слишком длинным» [8, с. 71, прим. 1]. Между тем Я. Линденау правильно употребил слово «сажень», так как нивхи длину древка плавающей остроги измеряют маховыми сажнями [11, с. 149]. К. А. Новикова сообщает, что у оседлых эвенков Охотского побережья, занимавшихся охотой на морского зверя, вместо лодки употреблялась байдара коряжского типа, состоявшая из деревянного каркаса, обтянутого шкурами морского зверя [19, с. 88]. В этом случае эвены — мыны заимствовали лодку у аборигенов — коряков.

Поскольку плавающая острога до настоящего времени была отмечена только у нивхов, приходится предположить, что древние предки мыны встречались с ними на Охотском побережье, где и заимствовали у них это орудие. Известно, что нивхи встречались на Охотском побережье, в районе Тугурского залива. Значит, можно допустить, что ранее они встречались на нем еще севернее. «Кажется вероятным,— писал А. Золотарев,— что несколько веков назад границы гилацких и коряцких территорий соприкасались¹⁵. Клин между ними был вбит тунгусской волной, разрезавшей надвое слой палеоазиатского населения, первоначально сплошной полосой тянувшегося от Анадыря до Амура» [8, с. 86].

Это предположение представляется правдоподобным. Но если допустить, что древние предки современных нивхов и коряков жили какое-то время в контакте, то в их культуре, и в особенности в языках, должны быть обнаружены какие-то данные, которые свидетельствовали бы об этих связях [6]. И действительно, К. Боуда [28] и О. Тайер [31] обнаружили ряд общих элементов между этими языками, которые они считают свидетельством их генетического родства. Мы пока же относим их к свидетельствам древних контактных связей этих народов. Приводим более двадцати наиболее убедительных лексических сопоставлений, взятых из работ указанных авторов, главным образом О. Тайера.

алр, алс (Н) — ягода, ср.: *элу-к* (К основа *элу-/ало-*) 'собирать ягоды'¹⁶.

уйг'и-д (Н) 'нет', 'не иметься', 'не быть', ср.: *уйнгэ* (К, Ч.) 'нет'.

ук (Н) 'конек' (рыба), ср.: *укий* (К) 'сельдь'.

в'ал-д (Н) 'резать' (поперек), ср.: *в'ала* (К), *валы* (Ч), *хвалч* (И) 'нож', *валаткоркын* (Ч) 'режет ножом'.

вэ-д (Н) 'бежать' [о животных]; *в'и-д* (Н) 'ходить', ср.:

¹⁵ Основываясь на сообщениях служилых людей из Якутска, А. Золотарев предполагает, что в XVII в. «северная граница гилацков доходила до р. Уды» [8, с. 85]. Между прочим, название этой реки может быть сопоставлено с нивхским словом *ур~уш* 'остров', которое русскими могло быть воспринято как *уд*. Ср. ранее название о-ва В. Чкалова, называвшегося на картах *Уд* (из нивхск. *ур~уш* 'остров'). К. А. Новикова сообщила нам, что вблизи Охотска имеется речка Арки, по-видимому название которой объясняется из нивхского слова *арк'и* 'корюшка'. Нивхские топонимические названия, записанные мною, доходят почти до Тугура. Исследование топонимических названий Охотского побережья с точки зрения выяснения в них нивхской основы — дело дальнейших исследований.

¹⁶ Условные сокращения: (Н) — нивхский, (К) — коряцкий, (Ч) — чукотский, (И) — ительменский. При помощи запятой справа от буквы обозначаются: *в'* — губно-губной щелевой согласный, *г'* — заднеязычный звонкий щелевой согласный, *г''* — увулярный щелевой. Слова коряцкого, чукотского и ительменского языков сверены с их написанием в соответствующих словарях [2; 14; 15; 30]. Слова нивхского языка даются в моем написании. Включения в квадратные скобки принадлежат мне. Лексические параллели из эвенского языка подсказаны мне К. А. Новиковой.

в'эк''в'эк'' (К) 'шаг', *в'эк''ыткук* (К) 'шагать'; *вэк''эт* (Ч) 'шаг', *вэк''этык* (Ч) 'шагать'.

вэл (Н) 'летняя кета', ср.: *вилэч* (И) 'лосось' [*в'илв'ил* (К) 'квашеная рыба', *в'итыв'ит* (К) 'голец', *в'июв'ий* (К) 'красная рыба'].

вэс (Н) 'ворона', ср.: *в'эллы* (К) 'ворона', *вэтлы* (Ч) 'ворон'.

в'ат (Н, С. д.), *выт'* (Н, А. д.) 'железо', ср.: *вачу* (И) 'железо', *валач* (И) 'железо', *ваалан* (И) 'железный', *волаувд* (К, Карагинский) 'железо'.

йэлэл-д (Н) 'лизать языком', *х'илх* (Н) 'язык', ср.: *йиллы-йил* (К, Ч, основа *йиллы-*) 'язык'.

к'илкс (Н) 'игла для вязания сетей', ср.: *килх* (И) 'игла для вязания сетей'.

к''онг''онг (Н) 'колокольчик', ср. *к''онг''онг* (К) 'колокольчик' [ср.: *конгат* (эвенский), *ко:нга:ктэ* (эвенкийский) 'колокольчик'].

лахи (Н) 'кета', ср.: *лакчи* (И) 'морской бычок' [ср.: *накачи* (эвенский) 'бычок' (рыба)].

лэулэу-д (Н) 'насмехаться', ср.: *лэвлэву-* (Ч) 'насмехаться', 'издеваться'.

нонк'' (Н) 'детеныш животного', ср.: *нэнэны* (Ч) 'ребенок', *нэнэк''эй* (Ч) 'малютка, маленький ребенок'.

нгой (Н) 'мужской половой орган', ср.: *нгойнгын* (К, Ч) 'хвост'.

рыр-уд (Н) 'развязать', ср.: *рыры-к* (Ч) 'развязать'.

тув-нг (Н) 'братья и сестры одного поколения', ср.: *тумгытум* (Ч, основа *тумг-*) 'товарищ'.

тунгы (Н) 'пешня', ср.: *туккэн* (Ч) 'наконечник гарпуна' [ср. с эвенкийским *дуг-* 'прорубать, продалбливать лед'].

тур (Н) 'мясо', ср.: *тыргытыр* (Ч, основа *тырг*) 'мягкое мясо'.

чавр-д (Н) 'серый' (о масти собаки), ср.: *чэваро* (Ч) 'серый' (о масти оленя).

таф (Н) 'жилище' [имеет фонетические варианты *таф~раф~даф*, корень *та~ра~да*, ср. с *тан* 'домочадцы'], ср.: *йаранга* (Ч, основа *йа-* и *-ра-*), 'яранга', 'жилище'.

т'омс (Н) 'отверстие в крыше для выхода дыма', ср.: *томнг* — (К) 'затыкать дыру, служащую для выхода дыма', 'затычка для дымовой дыры'.

т'оби (Н) 'две длинные продольные балки, идущие параллельно друг другу вдоль стен в летнем жилище нивхов', ср.: *тэвий* (К), *тэвыр* (Ч) 'один из трех основных шестов в яранге'.

Из нивхско-коряцких сопоставлений, приводимых И. С. Вдовиным, обращают на себя внимание следующие [6, с. 237]:

нгы (Н) 'выдра', ср.: *нгэн'нгэт* (К) 'выдра'.

т'ом (Н) 'плот', ср.: *тимитим* (К) 'плот' [ср.: *тэм* (эвенский), *тэ:м* (эвенкийский) 'плот'].

Знаменательное слово в корякском языке должно иметь двусложную структуру, в связи с чем при заимствовании односложные слова подвергаются в нем удвоению.

Отметим еще единичные языковые параллели между ительменским [7] и нивхским:

анг (Н) 'кто?', ср.: *ангк"а* (И) 'что?'

пил-д' (Н) 'большой', ср.: *пыл-* (И) 'большой'.

пах (Н) 'камень', ср.: *ва* (И) 'камень'.

ч'ог"-д (Н) 'таять', ср.: *чо-кэ-с* (И) 'таять'.

тахт' (Н) — мифическая птица, требующая мести за убитого [11, с. 386—389], ср.: *тахтыч* (И) 'дятел' [30].

Считать эти лексические параллели простой случайностью вряд ли возможно. Для решения этой интереснейшей проблемы нужны дополнительные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева А. В. Культура и быт эвенов в XIX—XX веках. — Краеведческие записки. Вып. 2. Магадан, 1959.
2. Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.—Л., 1937.
3. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
4. Василевич Г. М. К вопросу о тунгусах и ламутах северо-востока в XVII—XVIII вв. — «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР». Вып. 5. Якутск, 1953.
5. Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
6. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
7. Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976.
8. Золотарев А. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века. Историк-марксист. Кн. 2. М., 1938.
9. Краеведческие записки. Областной краеведческий музей. Вып. 3. Магадан, 1960.
10. Крейнович Е. А. Гилякско-тунгусо-маньчжурские языковые параллели. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. VIII. М., 1955.
11. Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973.
12. Лебедев В. Д. О некоторых особенностях говора эвенков Аллаиховского района. — Материалы первой научной конференции молодых специалистов. Секция гуманитарных наук. Якутский филиал. Якутск, 1961.
13. Левин В. И. Краткий эвенско-русский словарь. М.—Л., 1936.
14. Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л., 1960.
15. Молл Т. А., Инэнликей П. И. Чукотско-русский словарь. Л., 1957.
16. Новикова К. А. Ольский говор эвенского языка. Канд. дисс. (рукопись). ЛГУ, 1949.
17. Новикова К. А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. XI. М.—Л., 1958.
18. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. М.—Л., 1960.
19. Новикова К. А. Эвенский фольклор. Магадан, 1958.
20. Ришес Л. Д. Арманский диалект эвенского языка (очерк грамматики, тексты, словарь). Канд. дисс. (рукопись). ЛО ИЯ АН СССР, 1947.
21. Ришес Л. Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского язы-

- ка. — «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР». Вып. 3. Якутск, 1955.
22. Ришес Л. Д. Основные особенности арманского диалекта эвенского языка. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР». Вып. VII. М., 1955.
23. Ришес Л. Д. Основные особенности эвенских говоров Момского района Якутской АССР. — Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. Вып. 5. Якутск, 1958.
24. Степанов Н. Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в. — Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965.
25. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947.
26. Цинциус В. И., Ришес Л. Д. Русско-эвенский словарь. М., 1952.
27. Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
28. Bouda K. Die Verwandtschaftsverhältnisse des Giljakischen. — «Anthropos». 1960, Fasc. 3—4, vol. 55.
29. Jochelson W. The Koryak. T. II. N. Y., 1908.
30. Radlinski J. Słowniki narzeczy Ludow Kamczackich. Rozprawy Widzialu filologicznego Akademii Umiejetności w Krakowie. [Krakow], 1891—1894. XVI—XVIII.
31. TAILLEUR O. G. La place du Ghiliak. Parmi les langues paleosiberiennes. — «Lingua». 1960, vol. IX, [№] 2.